

А. Бехтерев

РАЙСКИЕ САДЫ

роман-сказка
в двух частях

Андрей Бехтерев

Райские сады

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25925693

Аннотация

Провинциальная девушка случайно становится принцессой. К ней в королевский замок приезжает родной брат. Простодушный и отважный молодой человек знакомится с королевским двором, попадает в забавные истории, находит любовь в лице юной фрейлины. Но жизнь в замке не так безмятежна, как кажется на первый взгляд. Вокруг трона ведется жестокая война за власть, а среди вечно цветущих садов скрываются inferнальные чудовища.... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Тропинка была узкой. Снег скрипел под ногами. Иванко вышел к обрыву. Погода обещала испортиться. Черная снежная туча зацепилась за дальнюю гору. Иванко скатился вниз к замерзшей реке. Навстречу ему, с другого берега, быстро шла женщина в овчинном тулупе.

– Добрый день, – сказал ей Иванко, когда они поравнялись.

– Привет, – ответила женщина, останавливаясь, – собрался, что ли?

Иванко кивнул.

– Я-то с дедом своим поговорила. Он тебя подбросит до станции.

– Спасибо.

– Мы тут говорили, а я так думаю, что и давно пора. Все-таки ты уже совсем других мыслей должен быть. Что тебе здесь? Овец пасти?

Иванко улыбнулся и ничего не ответил.

– Твое место разве здесь? – продолжала тараторить женщина. – Место твое совсем не здесь, да и Катенька наша скучает. Вы же с ней такие дружные были. Так что я рада за тебя, хотя и, конечно, не хватать тебя будет. Вечером зайдешь что ли?

– Конечно, зайду, – кивнул Иванко.

– У нас-то все соберутся, посидим на дорожку.

Иванко еще раз кивнул и посторонился в снег. Женщина побежала дальше. Граф посмотрел ей в след и пошел че-

рез реку. Ему было грустно. Он прощался со своей родиной. Прощался навсегда.

В некотором царстве, некотором государстве жил-был граф. Звали его Генрих Тарковский. Имел он в своем роду знаменитых предков, но со временем его род стал терять былую славу и богатство, а после земельной реформы, так и вообще пришел в упадок. У родителей графа Генриха ничего не осталось кроме титула, старого просевшего особняка и тех фамильных драгоценностей, на которых не нашлось покупателей. В 18 лет граф Генрих женился на красивой, но совсем не знатной девушке. Эта девушка была из соседнего села, которое до реформы принадлежало роду Тарковских. Из-за своей невесты граф поссорился с родителями, которые, несмотря на бедствия, гордились своей фамилией и не хотели родниться с простолюдинами. Но родителям пришлось смириться. Отчасти потому что найти знатную невесту не представлялось возможности. Вскоре родители графа умерли, и молодые супруги остались в огромном фамильном особняке одни. Последние слуги, воспользовавшись случаем, разбежались. Победствовав некоторое время, граф согласился на уговоры родителей жены и решил переехать в село. В замке заколотили окна и так его и оставили.

На новом месте граф чувствовал себя неудобно, но пришлось привыкать. У молодых супругов вскоре появились дети. Сначала была девочка, которую назвали Катей, а потом

через два года родился мальчик, которого назвали Иванко. Вскоре после рождения сына, жена графа заболела и умерла. Граф был неутешен. Единственным его утешителем стал деревенский кабак. Он стал проводить там всё время и сошелся с его завсегдатаями, хотя и смотрел на них свысока, как на людей низшего сорта. О своих детях граф был не в состоянии заботиться. Их воспитанием занимались родители жены, которые души не чаяли в своих внуках.

Время шло. Дети росли. И хотя они жили обычной сельской жизнью Иванко и Катя выделялись среди остальных детей. Катя была первой красавицей, первой умницей и первой хохотуньей. Все ее любили и в шутку называли принцессой. Иванко был поспокойней, но в ловкости и храбрости ему не было равных. Историю с взбесившимся быком, которого 10-летний мальчик загнал назад в сарай с помощью рогатки и быстрого бега, помнила вся деревня.

Когда Кате было 14, а Иванко – 12, в один год умерли бабушка с дедушкой, бывшие им за родителей. Граф Генрих к тому времени окончательно спился и с трудом соображал. Но дети уже были достаточно взрослыми и самостоятельными, что бы самим смотреть за собой...

И вот однажды эту затерянную на картах королевства деревушку посетила сказка и шутливое Катино прозвище «принцесса», неожиданно оказалось пророчеством.

В лето, когда Кате исполнилось 17, король Карл XII решил женить своего 20-летнего сына Артура. Причем по кое-

каким политическим мотивам король решил, что сын должен жениться по любви, то есть сам выбрать себе невесту. Для этого было решено провести грандиозный бал, на который были приглашены все более менее знатные невесты королевства. И вот, тихим летним днем в деревню въехал роскошный экипаж с королевским гонцом. Гонец принялся расспрашивать, где бы ему найти графа Тарковского. Село пришло в движение. Вскоре перед гонцом предстал мужчина неопределенных лет в грязном пиджаке и с мутным взглядом. Мужчина посмотрел на гонца, сплюнул и сказал: «Ну». Испуганные крестьяне стали объяснять удивленному гонцу, что граф приболел и что если есть дело до Тарковских, то лучше послать за детьми. Гонец согласился. Увидев Катю, гонец преобразился и так как за графа выходил Иванко, то именно ему досталось приглашение, скрепленное сургучной печатью. «Его Величество устраивает бал в честь дня рождения своего единственного сына с целью выбора невесты и просит юную графиню Екатерину Тарковскую удостоить его праздник своим присутствием», – проорал гонец. Чуть тише он добавил, что в связи с непредвиденной болезнью ее отца он просит прибыть брата в качестве сопровождающего и что ровно через неделю за ними будет послан экипаж. Очаровательно улыбаясь, гонец забрался назад в карету, которая тут же умчалась прочь.

В селе начался переполох. Срочно стали шить для Кати платье по одной древней выкройке. Каждый старался поде-

литься с девочкой знанием правильных манер и этикета. Тетя Клава, похоронившая 4-х мужей, давала Кате уроки обо-
льщения «этих мужиков-козлов». Девушка улыбалась и сму-
щенно отмахивалась.

Наконец настал назначенный день. С утра всем в голову пришла мысль, а что если это шутка и никто не приедет. Но
ровно в полдень сомнения рассеялись. Королевский экипаж
влетел в деревню и остановился перед церковью, где его и
ждало все население. Тот же гонец выскочил из кареты. Его
попросили откусать. Он не отказался. Откусав, гонец уса-
дил Катю и Иванко в экипаж, и они полетели на бал.

Спустя два долгих дня, Катя и Иванко прибыли во дво-
рец. Они за всю свою жизнь нигде дальше соседней деревни
не были, поэтому размеры и богатство королевского дворца
их поразили. Гонец повел их мимо гремящих фонтанов по
сияющей аллее. Откуда-то доносилась музыка. Вокруг было
бесконечное множество роскошных дам и галантных кавал-
еров. Гонец сдал Катю и Иванко слуге, тот внес девушку в
список и сказал, что она будет представлена принцу на тре-
тий день бала в порядке очереди. Потом, после троекратных
фанфар, всех пригласили в зал, и начался бал. Катя с бра-
том не знали, что делать. Зал был огромный. Музыка греме-
ла. Было тесно. Царил беспорядок. К тому же их наряды по
сравнению с нарядами других гостей были совершенно без-
вкусными. Они забились в угол и приютились на небольшой
скамеечке. Изредка к Кате подходили кавалеры и приглаша-

ли девушку на танец, но она всем отказывала. Дело в том, что она не умела танцевать. То есть умела, но совсем не так, как танцевали здесь.

Первая ночь бала прошла быстро. По ее окончанию гости принялись разбирать слуг, а вместе с ними и комнаты с завтраком-обедом. Катя с Иванко подошли последними. Слуга отвел их в номер. Уже светало. Совершенно уставшие молодые люди легли спать и проспали до вечера. Не успели они толком поесть и привести себя в порядок, как затрубили фанфары, приглашая на вторую бальную ночь. Молодые люди опять заняли свою скамейку. Если в первую ночь им было весело, то во вторую стало скучно. Все повторялось один в один, а они никому не были нужны.

Вторая бальная ночь уже перевалила за полночь, как к ним подошел светловолосый голубоглазый юноша, который не спеша прогуливался по залу.

– Скучаете? – спросил молодой человек, улыбнувшись Кате.

– Нет, – ответила она.

– А почему не танцуете?

– Только с принцем, – ответила Катя.

Иванко засмеялся, представив сестру прыгающей вокруг принца в стиле козы, за что тут же получил от сестры ласковый подзатыльник.

Юноша, конечно же, оказался принцем и он, конечно, влюбился в Катю с первого взгляда. Принц представился

и пригласил Катю на танец. У девушки хватило ума честно признаться в неумении танцевать. Принца это ничуть не смутило, и он пригласил Катю и Иванко к королевскому столу. Он представил Катю королю, который тоже был очарован красотой девушки. Они сели за стол. Принц разговаривал с Катей на разные темы. Девушка спокойно и обдуманно отвечала. Иванко сидел тихо и, никого не беспокоя, поедал королевские продукты.

На следующую ночь было объявлено, что принц сделал свой выбор и что принцессой станет графиня Екатерина Тарковская. Свадьба состоялась через неделю. После этого новобрачные во главе огромного кортежа, приехали в родную деревню. Три дня деревня гуляла на пределе сил. Подарки некуда было складывать. Отец Кати благословил молодых, пробормотав «всё одно бараны», после чего выпил стакан и лег, где стоял. На четвертый день кортеж отправился дальше. Иванко, несмотря на все уговоры, остался в деревне. Он чувствовал себя неуютно в придворной среде. Он решил, что его место в деревне.

Но в деревне без сестры ему быстро наскучило. Через месяц после Катиной свадьбы трагически погиб их отец. Принцесса на похороны не приехала, да ее и не ждали. Иванко стал задумчивым и рассеянным. Наконец он поддался уговорам сестры, которая в каждом письме уговаривала его приехать к ней. Он написал Кате, что едет и в начале февраля, не дожидаясь ответа на свое письмо, Иванко оставил род-

ную деревню и поехал в сторону королевского замка, расположенного в неделе пути.

Часть 1

День 1

По широкой укатанной дороге быстро скользили небольшие черные сани. Старый ямщик с замерзшей бородой время от времени покрикивал на лошадей. На все стороны, как хватало глаз, был снег. Дул неприятный боковой ветер. День клонился к вечеру. Иванко, сидевший в санях, кутался в собачью шубу, оставшуюся от отца. Он насквозь продрог. Деревянная скамья была низкой. Сидеть было неудобно. Граф иногда поглядывал в маленькое замерзшее окно, но из него ничего нельзя было разглядеть, кроме снега. Вдруг впереди раздались чьи-то крики. Сани остановились. Иванко открыл дверь и вылез из саней. Несколько верховых офицеров перегородили им дорогу. Один из них, по всей видимости, главный, подъехал к графу и ловко соскочил с лошади.

– Кто такой? Куда едешь? – прокричал офицер, бесцеремонно смерив графа взглядом. Иванко достал из кармана помятый паспорт. Офицер взял паспорт, повертел в руках, потом развернул и несколько раз прочитал. Когда до него дошло с кем он имеет дело, выражение его лица прояснилось.

– Но, Ваше Сиятельство, – сказал офицер с заискивающей улыбкой. – Кто мог знать, что вы приедете? Тем более эта дорога ведет на склад, на королевский склад. Тут и гостей, ну, благородных гостей, то есть, в жизни не было, а тут вы.

– И что? – спросил граф.

– Да ничего, Ваше Сиятельство. Это наша проблема. Да это вообще не проблема.

С этими словами офицер протянул графу паспорт и взял под козырек.

– Извините, служба, – сказал офицер и через мгновение оказался верхом на своей лошади. – Мы, если позволите, поедем, предупредим в замок, а то вас и не ждут.

Граф кивнул. Всадники быстро умчались.

– А далеко еще? – спросил Иванко у ямщика.

– Да что вы, барин, – сказал, смеясь, ямщик, – вот же замок-то.

Иванко посмотрел в указанном направлении и, действительно, увидел черную полосу на горизонте.

Через 20 минут сани остановились у крепостной стены. Иванко выбрался и осмотрелся. Они, действительно, подъехали «не с той» стороны. Снег был истоптанный и грязный. Рядом с большими железными воротами стояло несколько контейнеров с мусором. Какой-то мужик в валенках и телогрейке рубил дрова, громко разговаривая сам с собой. Крепостная стена была высокая, серая и, казалось, заплывла копотью. Тут со страшным скрипом, отворилась небольшая железная дверь, и из нее выскочил маленький толстый человек в черном фраке. Брезгливо оглядываясь и ежась от холода, он подбежал к Иванко и тотчас затараторил:

– Здравствуйте, Ваше Сиятельство. Очень рады приветствовать Вас у входа в зимнюю резиденцию Его Величества. К нашему небольшому неудобству Вы изволили подъехать не совсем с той стороны, с которой принято подъезжать столь высоким гостям. Но я очень надеюсь, что те небольшие проблемы, которые в связи с этим возникнут, не очень затруднят Ваше Сиятельство. Понимаете, с этой стороны у нас, если можно так выразиться, склад, сюда подвозят как бы продукты питания и здесь никогда никого выше званием королевского завхоза, то есть вашего покорного слуги, не бывает. Но это, безусловно, ни в коем случае не оправдывает ту грязь и тот, если можно так выразиться, беспорядок, который вы тут наблюдаете. Смею Вас заверить, что здесь будет наведена всевозможная чистота в самый кратчайший срок и все виновные в нарушении элементарных санитарных условий будут, если можно так выразиться, строго наказаны. Конечно, я не снимаю ни в коем случае вину и с себя и весь, с головой предаюсь вам в надежде на милость.

Повар закончил и склонился в поклоне. Граф был в недоумении.

– Делайте, что хотите. Мне б к сестренке попасть, – сказал, наконец, Иванко. Завхоз тотчас выпрямился и расплылся в радостной улыбке.

– Спасибо, Ваше Сиятельство, спасибо и от меня лично и от всех сотрудников в моем лице, что разрешили нам делать то, что мы хотим.

Завхоз вытащил из саней красный потрепанный чемодан – всё, что Иванко насобирал с собой – и повел графа в замок. За железной дверью был узкий, тускло освещенный, коридор с низким потолком. Завхоз шел быстро. Вскоре коридор уткнулся в дверь, за которой была большая, ярко освещенная комната. В комнате сидели офицеры и о чем-то весело разговаривали. Увидев завхоза, офицеры тотчас умолкли, поднялись и молча вышли.

– Ваше Сиятельство, подождите, пожалуйста, здесь, – сказал завхоз, указывая графу на стоявшее у стены кресло. Завхоз убежал. Граф остался один. Наконец-то он согрелся. Доносились голоса. Кто-то ходил по коридору. Хлопали двери. Через несколько минут в комнату вошел высокий господин в сюртуке и, извиняясь, попросил документы. Иванко достал из кармана паспорт. Господин внимательно изучил его и с поклоном возвратил графу. Господин повел Иванко дальше. Они вышли на крыльцо с другой стороны крепостной стены. Иванко снова закутался в шубу. У крыльца стояли большие сани. Господин сбежал по ступенькам и ловко открыл дверь. Иванко сел в сани и они поехали. Через несколько минут сани остановились у подножия огромной лестницы ведущей во дворец. Здесь графа ждал слуга.

– Прошу за мной, – сказал слуга и важно пошел вверх по лестнице. Наверху были большие, в три человеческих роста, двери. Слуга без всяких усилий открыл их. Они прошли через несколько комнат, прежде чем оказались в большой зале.

– Ее Высочеству уже доложили о Вашем прибытии. Сейчас она Вас примет, – сказал слуга и вышел. Граф опять остался один. В зале было светло. С высокого потолка свисала громадная хрустальная люстра. Прошло несколько минут и одна из дверей с грохотом отворилась. В зал влетела принцесса Катя.

Иванко даже не узнал сестру вначале. За год, как они не виделись, Катя стала настоящей принцессой. Она сверкала и переливалась не хуже люстры.

– Иванко, – радостно закричала принцесса и бросилась к брату на шею.

Разомкнув объятия, принцесса отступила пару шагов, смерила графа взглядом и решительно захохотала. Иванко не понял. Принцесса схватила его за руку и подвела к зеркалу.

– Вот, полюбуйся, – сказала она.

Иванко посмотрел на себя и улыбнулся. Действительно, он выглядел забавно. Растрепанная шуба, толстый свитер в пуху и соломе, грязные штаны, порванные ботинки, да и плюс ко всему лицо почему-то было в саже.

– А я только вчера тебе письмо отослала, – продолжала смеяться Катя. – Хотела уточнить, когда за тобой экипаж присылать. Где твои вещи?

– Не знаю, – сказал граф, пожимая плечами. – Унесли куда-то.

– Здорово. У него вещи унесли, а он лыбится. Эй, – закричала Катя и захлопала в ладоши. Тотчас вошел слуга.

– Куда дели вещи Его Сиятельства? – спросила принцесса, нахмутив брови.

– Отнесли в комнату для гостей, – спокойно ответил слуга.

– Для каких еще гостей?

– Крыло номер 4, комната 29.

– Обалдели что ли? Какие еще крылья? Это мой брат и он будет жить рядом со мной. Понял?

– В комнате у Зимнего сада? – уточнил слуга.

– Именно.

Слуга, расшаркавшись, вышел.

– Между прочим, мой дикий братец, через три дня здесь будет бал, – сказала Катя, схватив Иванко за руки. – У моего муженька день рождения. К нам сейчас пол королевства съехалось. А я-то жалела, что тебя нет, а ты уже тут, как сугроб на голову. Что ты так на меня смотришь? – спросила Катя, заметив, что граф смотрит на нее, как то странно.

– Ты изменилась, – сказал Иванко.

– Да? Это хорошо или гадость хочешь сказать?

– Прямо принцессой стала. Как на картинках принцессы рисуют, один в один.

– Я вообще-то и есть принцесса, почему я должна выглядеть, как какая-то деревенщина, – принцесса выразительно смерила брата взглядом.

– А я не деревенщина, – ответил он.

– Нет, Иванко, ты как раз та самая деревенщина и есть. Вот, знаешь, как на картинках рисуют деревенщину, чирк-пырк и готово. Но ты не расстраивайся, мы выведем тебя на чистую воду. Кстати, я тебе тут невесту присмотрела.

– Какую еще невесту? – нахмурился граф.

– Да ты не бойся, редкой красоты и неземной породы. По-знакомлю как-нибудь....

Обер-прокурор Священного Синода Афанасий Никитич Заверюха сидел в своем кабинете и при тусклом свете лампы читал книгу. Свет, косо падавший на седую голову обер-прокурора, не доходил до темных углов. В дверь уверенно постучали. Афанасий Никитич оторвался от чтения. В комнату вошел Архип, верный слуга, единомышленник и советник обер-прокурора.

– Это ты, Архип? – сказал Афанасий Никитич, аккуратно закладывая книгу. – Садись.

Слуга сел на диван.

– Договорился? – спросил обер-прокурор.

– Да, Афанасий Никитич, завтра, принц вас примет.

– Замечательно. Правда, у нас немного шансов на успех.

– Почему бы не попытаться?

– Пожалуй, что и так.

Обер-прокурор задумался.

– Афанасий Никитич, – прервал молчание слуга. – У меня еще новость.

– Какая?

– По-моему очень важная. Сегодня в замок прибыл граф Иванко Тарковский, родной брат принцессы.

– Что ж, действительно новость. А говорили, что он только через месяц будет.

– Ну да. Его и не ждали сегодня.

– Наверное, к балу спешил?

– Не знаю. Может «да», а, может «нет». Да это и не важно. Важно, что принцесса души не чаёт в своем брате, если он будет за нас, то представляете, какой козырь появится, какие перспективы. Вам непременно следует с ним поговорить.

– Глупости, – нахмурился обер-прокурор.

– Ничуть. Этот граф может быть единственный человек на свете, которого принцесса слушать будет. К тому же он молодой, глупый – сплошные достоинства.

– Да, я слышал кое-что об этом графе. О нем действительно хорошо говорят.

– Главное опередить карлика, – увлеченно продолжил Архип. – А то тот живенько его скушает.

– И как ты нам предлагаешь опередить господина Вольдемара? – усмехнулся обер-прокурор.

– Ну, не то что бы опередить, надо просто, что бы карлик его не одурачил. К тому же поговорив с ним, вы ничего не теряете. Нам ведь нечего терять.

– Всегда есть что терять, – вздохнул обер-прокурор. – Принцесса взбесится, если узнает, что мы крутимся вокруг

ее брата. Я и так с ней в натянутых отношениях.

– Ну, Афанасий Никитич, необязательно же так прямо. Можно и похитрее. Не обязательно что-то просить. Просто объяснить ему, где зерна, где плевелы. Рассказать истории разные. Вы же умеете.

– Ладно, – сказал обер-прокурор после длинной паузы. – Я, может быть, поговорю с ним, но после бала. Не надо спешить.

Покои принцессы тщательно охранялись. Шум и суета, царящая в предпраздничном дворце, сюда не доходила. Покои состояли из двух комнат: гостиной и спальни. Кроме того к ним прилагалось еще несколько гостевых и служебных комнат, а также старый Зимний сад. Вещи графа были отнесены в небольшую комнату рядом с садом. Принцесса с братом пришли в гостиную, где слуги быстро собрали большой стол. Накрыто было минимум человек на десять. Когда слуги ушли Катя и Иванко сели ужинать.

– А чем я тут буду заниматься? Вообще, не знаю, что делать дальше, – сказал Иванко, быстро ухлопав тарелку борща.

– За это не переживай. Я уже всё придумала. Во-первых, тебе надо чуток подучиться. Тут есть один прекрасный учитель. Он тебе вправит мозги или что там у тебя. Про невесту я уже сказала. Хорошим манерам я тебя сама научу.

– А, может, я не хочу.

– Чего ты не хочешь? Учителя, невесту или меня, как эталон культуры?

– Не знаю, – пожал плечами граф.

– Вот. Ты не знаешь, а я знаю. Так что сдавайся. Учитель очень милый пожилой дядька, великий философ. Я ему про тебя рассказывала, и он просто жаждет с тобой познакомиться.

– Что ты ему наговорила? – насторожился граф.

– Сказала, что ты можешь выбить стрелой глаз мухе с десяти метров.

Иванко фыркнул и чуть не подавился салатом.

– Не глаз, а зубы, – сказал он сквозь смех.

– Зубы? Без меня тренировался? – засмеялась Катя.

– Чему хоть учит твой учитель? – спросил Иванко, отсмеявшись.

– Какая тебе разница? Философии, конечно.

– Зачем мне философия?

– Что бы быть умней меня. Это же так здорово быть хоть кого-то умней.

Тут отворилась дверь и в гостиную быстро вошла девушка, лет 15-ти. Она была в белом платье, а на голове у нее, как бабочка сидел большой красный бант. Увидев, что принцесса не одна, девушка остановилась и уже было повернула назад, но Катя ее остановила.

– Проходи, Аленка, присаживайся, – сказала она девушке. Девушка подошла к столу.

– Вот, Аленка, познакомься, это мой братец Иванко, – представила графа принцесса. – И ты, Иванко, познакомься, эту барышню зовут Аленка. Она моя самая любимая фрейлина, к тому же единственная. Садись, фрейлина, чего встала.

Девушка села напротив Иванко, посмотрела на него и еще раз кивнула. Иванко кивнул в ответ.

– Я вообще-то на секунду зашла, – сказала Аленка принцессе.

– Да хоть на час. Давай, пожуй что-нибудь или лучше дайте-ка глотнем какой-нибудь алкоголь за знакомство?

– Но у меня сейчас мистер Готье и он ждёт, – сказала фрейлина.

– И что? Он же не бесплатно ждет. Ждать за деньги – мечта, а не работа.

Принцесса встала из-за стола и быстро пошла к стеклянному шкафу. Фрейлина взглянула на Иванко и, встретившись с ним взглядом, улыбнулась. Граф улыбнулся в ответ. Катя уже возвращалась с тремя бокалами в одной руке и початой бутылкой вина, в другой.

– Сейчас, Аленка, наглюкаешься и пойдешь учить мистера Готье вышиванию, – сказала Катя, разливая вино.

– Как скажите, Ваше Высочество, вышиванию так вышиванию, – с улыбкой кивнула фрейлина.

Они выпили за знакомство. Тут дверь снова отворилась, и в комнату вошел принц Артур. Иванко поднялся навстречу,

что бы с ним поздороваться. Принц крепко, по-мужски, обнял графа. Фрейлина Аленка воспользовавшись моментом, убежала. На прощание она еще раз улыбнулась графу.

– Аленка-то, ух, какая стала, – сказал принц, проводив девушку взглядом.

– У тебя уже есть ух, – засмеялась принцесса, – не надорвись, милый.

– Да я исключительно, как зритель – издалека, через лорнет, – стал оправдываться принц.

– Катя, а кто такой Готье? – поинтересовался Иванко.

– Вот, Артурчик, полюбуйся на деревенщину. Не знает, кто такой Готье, – засмеялась Катя.

– Не знаете? – улыбнулся принц. – Вы что? Дом Готье. Это наш великий модельер. Он шьет Кате платье для бала.

Ужин продолжился. Выпили раз, выпили два. Заговорили про образование.

– Знаете, Иванко, образование можно запросто и здесь получить, – говорил принц графу. – У нас есть чудесные преподаватели, библиотека огромная, и к тому же есть господин Вольдемар. Это наш главный ученый. Он еще тут не появлялся?

Принц вопросительно посмотрел на жену. Катя отрицательно покачала головой.

– Господин Вольдемар, – стал объяснять принц графу, – это наш придворный шут, и карлик к тому же. Человек маленький, но головища здоровенная. Он не то что бы шут и

клоун, скорее серый кардинал. Так вот он крайне творческая личность. Мы тут все, конечно, творческие, но он самый.

– Артур, – перебила мужа принцесса, – ты забыл про господина Лейбница.

– Лейбница? Художника? – удивился принц. – Я помню, просто он разве здесь сейчас.

– А где же ему быть. Он болеет, ходить не может. Сидит целыми днями у меня в Зимнем саду, что-то пишет. Лейбниц – это тот учитель, про которого я тебе уже говорила, – пояснила принцесса брату.

– А почему я его давно не видел? – спросил принц.

– Я откуда знаю, – пожала плечами Катя.

Еще немного поболтав, принцесса заметила, что братика клонит в сон. Он хлопал глазами и боролся с зевотой. Принцесса лично отвела брата в его покои.

День 2

Иванко открыл глаза и улыбнулся. Было раннее утро. Зимнее солнце, просачиваясь сквозь шторы, играло светом по стенам и потолку. Лежать было тепло и уютно. Граф не шевелился, а просто открыл глаза и смотрел. Комната была милой. В углу стоял его старый потрепанный чемодан. Все его вещи были разложены на диване. Поднявшись, граф подошел к окну и распахнул шторы. Солнечный свет затопил комнату. Из окна открылся заснеженный безлюдный пейзаж. Вдалеке чернела крепостная стена. Два одиноких дерева сто-

или посреди сверкающего на солнце поля. Граф отошел от окна и стал одеваться. Новая одежда, подобранная сестрой, была в пору. Одевшись, Иванко подошел к зеркалу и остался доволен собой. Граф пару раз прошелся взад вперед по комнате и решил выйти в коридор. Он открыл дверь и носом к носу столкнулся со слугой.

– Вы хотели войти? – спросил граф.

– Нет. Я ждал пока вы выйдете, – ответил слуга. – Ее Высочество просила передать, что освободится ближе к обеду. Что бы вы не скучали, мне приказано проводить вас в Зимний сад. Но сначала вам следует позавтракать. Следуйте за мной.

Слуга развернулся и пошел по коридору. Иванко пошел следом. Идти было недалеко. Они зашли в просторную светлую комнату, посреди которой стоял круглый стол. Иванко сел на предложенный стул и тут же стали входить слуги с подносами. Стол был накрыт мгновенно. Слуга встал за спиной графа.

– Можно я как-нибудь сам поем? – попросил Иванко. Присутствие слуги казалось ему навязчивым.

– Я не буду есть за вас, – сказал слуга нейтральным тоном.

Иванко хотел попросить слугу уйти более прямым текстом, но передумал и принялся за еду. Он съел половину творожной запеканки и выпил чашку чая. Он с утра не привык много есть. Десяток блюд остались нетронутыми.

– Я больше не буду. Спасибо, всё очень вкусно, – сказал

он, вставая.

– На здоровье. Я должен показать вам Зимний сад, – сказал слуга.

Иванко послушно пошел за слугой. Они вернулись к комнате графа, и пошли в другом направлении. Зимний сад оказался совсем рядом с его комнатой. Слуга открыл высокие стеклянные двери и вошел. Граф вошел следом. Это был самый настоящий сад, цветущий среди зимы. Он даже походил на лес, только весьма экзотический. Слуга остановился. Граф остановился рядом.

– Вы будете все время со мной ходить? – по возможности вежливо спросил граф.

– Нет, – ответил слуга и тут же, развернувшись, ушел...

Пахло летом. Щebetали птицы. Широкая дорожка, выложенная плиткой, вела вглубь сада мимо цветущих экзотических деревьев. Все деревья, кусты и растения настолько переплелись и спутались, что образовалось что-то вроде живой стены, похоже, что с трудом проходимой. Сверху парк был накрыт огромным стеклянным куполом с металлическим каркасом. Над головой графа, кудахтая, пролетела разноцветная птица. Граф расплылся в улыбке, настолько ему всё тут нравилось. Пройдя чуть вперед, он увидел, что дорожка ведет его в центр сада. В центре сада работал фонтан. У фонтана кто-то сидел и смотрел в его сторону. Подойдя ближе, граф разглядел пожилого господина с длинными се-

дыми волосами. Иванко, поправив торчащую во все стороны причёску, подошел к нему.

– Я приветствую вас, – широко улыбаясь, сказал господин. Он сидел в инвалидном кресле с большими колесами по бокам.

– Здравствуйте, – сказал Иванко, осматриваясь. Вокруг фонтана была небольшая площадка со скамейками. Скамейки были на бетонных ножках с орнаментом из плиточек.

– Вы очень похожи на сестру. Если б даже не знал, что вы приехали, всё равно догадался бы, что это вы, – сказал господин.

– Спасибо, – ответил Иванко, тоже улыбнувшись.

– Вам Катя говорила про меня? – спросил господин.

– А вы кто? – уточнил граф. Господин засмеялся.

– Вы, наверное, учитель и великий философ? – вспомнил Иванко. Господин засмеялся еще сильнее.

– Вообще-то я придворный художник, – сказал он сквозь смех, – но по совместительству учитель и философ, и не просто великий, а величайший. Платон мне даже не Сократ.

Иванко понял, что художник шутит и стал улыбаться шире. Он бы и засмеялся, но не знал над чем.

– Георг Лейбниц или просто дядя Георг, – представился господин. – Вы никуда не спешите?

– Нет, – сказал граф.

– Тогда посидите со мной. Пожалуйста. А то мне скучно.

Иванко, с любопытством поглядывая на художника, сел

на одну из скамеек. У художника были чудноватые манеры. Особенно бросались в глаза худые длинные руки с огромными кистями. Они, извиваясь, как змеи, делали разные жесты, поддакивая словам.

– Как вам наш сад? – спросил художник.

– Нормально, – сказал Иванко, кивая головой. Мимо снова пролетела разноцветная птичка.

– Очень даже, – сказал художник. – Раньше это был главный сад дворца, сюда свозили экзотические деревья, цветы со всего света, их высаживали в строгом порядке, тщательно подрезали, ухаживали. Но лет пять назад, в замке открыли новый большой парк. Вы там еще не были? – Иванко отрицательно покачал головой. – Значит, еще будете. После открытия парка этот сад оказался ненужным. Ломать его не стали. Просто забросили. Садовник умер, а нового искать не стали. Деревья разрослись, лианы переплелись, и всё приобрело сегодняшней дикой вид. И то ли еще будет. Ну а когда ваша очаровательная сестра стала принцессой, ей понравился этот сад, и она выбрала его в свои личные владения. Так что здесь совсем никого не бывает кроме особо приближенных к Ее Высочеству. Можно сказать, что из постоянных обитателей здесь кроме птиц, я и Аленка.

– Аленка – это фрейлина? – заинтересовался граф.

– Вы уже знакомы? Да, наша Катя называет ее фрейлиной. Аленка живет в этом саду. Мы с ней друзья.

– Живет в саду? – не понял Иванко. – На лавочке спит

что ли?

– Нет, конечно, – засмеялся художник. – У нее здесь домик со всеми удобствами где-то в зарослях. Она жила там вместе с садовником, теперь живет одна.

– Она дочь садовника?

– Нет. Садовник просто занимался ее воспитанием. А так она сирота, подкидыш.

– Да ладно, – удивился Иванко.

– Правда. Это старая история. Я не очень знаю подробности, но, типа, классическая корзинка с орущим новорожденным младенцем. По-моему в этом саду ее и нашли. Покойная королева удочерила ее, то есть вру, удочерить она ее не могла, но дала ей имя, позаботилась о содержании, воспитании. Кстати...

Художник достал пачку листов из папки воткнутой сбоку кресла, пролистал их и один лист протянул графу. На листе был карандашный рисунок ангелочка. В качестве ангелочка была нарисована девочка, лет 12 с крылышками, в которой граф сразу узнал Аленку.

– Она красивая, – сказал Иванко, смотря на рисунок.

– Нет, она не красивая, – не согласился дядя Георг. – Это я могу быть красивым или вы, а она сказочная. Она из другого мира, глядя на нее хочется сказать: «аллилуйя или слава тебе, Боже!» Она лучшее доказательство существования Бога... или хотя бы рая.

В этот момент громко хлопнула одна из дверей в сад, и

послышались чьи-то быстрые шаги. Иванко вопросительно посмотрел на художника. Художник засмеялся.

– Это ваша сестренка. Здесь больше никто так дверьми не стучит.

Граф встал со скамейки и пошел посмотреть. Действительно, по одной из дорожек спешила к фонтану принцесса. Увидев брата в новом костюме, она засияла и уже через мгновение тормозила Иванко в своих объятиях.

– Вот видите, дядя Георг, даже из свинопаса можно сделать аристократа, – смеясь, сказала Катя, – достаточно погладить штаны со стрелочками. Нас ждут, так что аривидерчи. А это что? Аленка что ли?

Принцесса заметила лист с рисунком.

– Да, – кивнул художник, – во всей красе.

– Думаете, подрисовать крылышки и сразу красотища? Какая она тут толстая? Лучше бы пяточок подрисовали, образ был бы законченей.

– Я не Аленку рисовал, как ангела. Мне нужен был ангел для открытки, а с кого еще рисовать, как не с Аленки, – стал оправдываться художник.

– Да я не критикую, отличный рисунок, – засмеялась Катя, – брови, нос-курнос, зубы, все на месте. Спасибо. Дарю.

Принцесса протянула рисунок брату. Иванко взял лист и вопросительно посмотрел на художника. Художник, смеясь, развел руками.

– Я включу сие творение в платежную ведомость, – сказал

он Кате.

– Конечно, дядя Георг, всё как обычно, – ответила принцесса. – Нарисуете еще. Вас же не сильно напрягает процесс? Творческий пот не течет ручьями? А объект для копирования отловить не сложно – носится туда-сюда с утра до вечера. Ладно, нас ждут. Смотрите, не скучайте здесь.

– Вы, конечно, принцесса, но не все ваши приказы выполнимы, – ответил художник. – Я буду скучать.

– Тогда скучайте, – сказала Катя, – но это разрешение, а не приказ. Пошли, братик.

– Спасибо, – сказал Иванко художнику, кивая на рисунок.

– Не за что, – ответил художник. – Будет время-желание – приходите. Я всегда тут.

Иванко кивнул. Сестра схватила брата за руку, и они пошли.

Когда принцесса с братом вышли из охраняемых покоев, замок из пустынного стал многолюдным. Дамы и господа, приглашенные на предстоящий бал, прогуливались по бесконечным залам. Ее Высочество, держа графа за руку, быстро пересекала одну залу за другой. Завидев принцессу, гости замолкали и склонялись в глубоких реверансах. Катя на все эти знаки уважения не обращала никакого внимания. Похоже, она привыкла. Наконец, они вошли в другую контролируемую зону, в покои короля. Снова стало тихо и спокойно. Они прошли через несколько пустых комнат и, поднявшись

по лестнице, остановились перед дверьми, за которыми слышалась музыка и голоса. Катя уже хотела открыть дверь, но Иванко ее остановил.

– А что тут будет? – тихо спросил он сестру.

– Торжественный королевский завтрак в честь того, что утро настало, – шепотом ответила Катя.

– А я уже завтракал.

– И что? Завтракать можно до обеда.

– А как себя вести?

Принцесса на секунду задумалась.

– Захочешь плевать – плюй на пол, не промахнись, захочешь поковырять в носу – ковырай по часовой стрелке, не перепутай, захочешь рыгнуть...

– Заткнись уже, – разозлился Иванко, – не смешно. Я серьезно спрашиваю.

– Ну-ка зафиксируй свою хмурую физиономию и вперед. Пусть ребята вздрогнут.

Иванко хотел ущипнуть сестру, но она решительно наотмашь отворила двери.

Зал, в который они вошли, был просторным, с большими окнами. В углу на эстраде расположилось несколько музыкантов, которые играли что-то милое и на которых никто не обращал внимания. Посреди залы стояла сцена с опущенным занавесом. Перед сценой были места для гостей в виде беспорядочно расставленных кресел, между которыми стояли столики с разнообразным десертом. В зале было всего три

человека: принц и два господина: один – высокий, другой – маленький.

– А вот и Ее Высочество к нам снизошли, – сказал, улыбаясь, высокий господин, повернувшись к Кате с Иванко.

Принцесса представила брату собравшихся господ. Высокий господин оказался главным королевским доктором по фамилии Шапито, а маленький господин – премьер-министром по фамилии Дирижабэль. Иванко пожал мужчинам руки.

– А где Его Величество с шутлом? – спросила Катя.

– Ждем, как обычно, – ответил Шапито, – вы тоже не очень спешили.

– Если бы вы, как доктор, измерили нам пульс и давление, то убедились бы, что мы летели сюда вприпрыжку, – ответила на упрек Катя.

– Напоминать слесарю про вантуз во время культурного отдыха могут только бездельники, – парировал доктор.

Принц, прикрыв рот рукой, широко зевнул и уселся на одно из кресел. Премьер-министр хотел сесть рядом с принцем, но передумал. Он вернулся к принцессе.

На его лице читалось раздражение.

– Ваше Высочество, рассудите нас с этим типом, – премьер-министр кивнул на усмехающегося доктора. – Он анархист и вольнодумец. Должно же это быть как-то наказуемо.

Доктор засмеялся.

– Что опять не так? – спросила принцесса.

– Послушайте, что он говорит, – премьер-министр посмотрел на доктора. – Или вы уже не говорите?

– Могу повторить, если так интересно, – сказал доктор. – Мы сейчас обсуждали вчерашнюю казнь одного товарища. Если не в теме, то он забил до смерти своего соседа по даче, наступал молотком по голове. Этот товарищ объяснил, почему убил. Он привел удивительные аргументы, типа, «а чё он», но речь о другом. Господин Дерижабэль заявил, что если бы не было нравственного закона внутри человека и нравственного закона снаружи, в виде виселицы, судов и лично премьер-министра, то все бы забили друг друга молотками, ну или другим инструментом. На что я ответил, что если и надо кого-то повесить за это убийство, так именно этот самый нравственный закон. Рассудите сами. Внешний нравственный закон говорит, что убивать нельзя, а то повешу, а внутренний, такой же нравственный и так же жаждущий справедливости говорит, даже орет: «убей этого гада, он потоптал твою редиску». Вот так и получается, что закон-то нравственный, а в результате два трупа. И кого за это вешать? Только нашего Дерижабэля, как ходячее олицетворение нравственности.

Дерижабэль посмотрел на доктора, на смеющуюся принцессу и, нахмутив брови, уселся в кресло рядом с принцем.

Тут за дверьми послышался шум. Двери отворились, и в зал вошел король в сопровождении шута. Король остановился в дверях, а шут, ни с кем не поздоровавшись, пошел в сто-

рону занавешенной сцены, на которой, судя по шорохам, всё это время находились актеры. Шут был карликом, ростом с семилетнего мальчика. У него была большая лысеющая голова и маленькие ножки. Король сначала пошел за шутком, но потом передумал и подошел к гостям. Король был очень толстым человеком. На нем был пестрый костюм. Большая голова вертелась на короткой шее. Редкие волосы торчали во все стороны. Он был похож на огромную курицу.

– Простите господа, что заставил вас ждать, но лучше ждать, чем не дожидаться – громко обратился король ко всем. – Сейчас начнется представление. Вольдемар соизволил что-то там написать веселое. Потерпите чуть и будем хохотать. Господин Иванко, – обратился король к графу, – рад вас видеть. Мне шут, Вольдемар который, про вас только и говорит второй день. У нас из-за аварии пол столицы без электричества, а он все про вас и про вас, про вас и про вас. Так что я рад вас видеть.

Король попросил всех садиться. Принцесса прыгнула в одно из кресел. Иванко сел рядом.

– Эй, шут, – закричал король, направившись к сцене. – Скоро ты там?

– Тише, государь. Мы уже готовы, – раздался высокий голос из ближайшего к сцене кресла. Король повернулся. Карлик Вольдемар уже сидел.

Король сел рядом с шутком. Карлик хлопнул в ладоши и из-за занавеса на сцену вышел господин в черном фраке.

– Спектакль по пьесе господина Вольдемара «Казус Дон Жуана», – нараспев произнес он. Занавес открылся. Представление началось. Спектакль был вариацией на тему Дона Жуана, пришедшего соблазнять вдову Командора Донну Анну. В новой трактовке Донна Анна оказалась редкой стервой. Она довела Дон Жуана до истерики и, пришедшему из преисподней Командору, пришлось забрать с собой не своего убийцу, а свою женушку. В общем, всё началось как трагедия, а в конце оказалось шуткой. Правда, не очень смешной. Анонсированного веселья так и не случилось. После вежливых аплодисментов актеры вышли из-за занавеса, раскланялись, после чего собрали свои вещи и ушли. Карлик поблагодарил всех за внимание и снова уселся рядом с королем. Зависла пауза. В общем-то, можно было расходиться, но что бы уйти вперед короля, нужен был повод.

– Знаете, господа, – прервал паузу король, – мне сегодня сон приснился. Лечу это я во сне и вижу дерево, а на ветке сидит покойный министр тайной полиции, сидит, грустный такой. Я подлетаю к нему и говорю: «Привет, Алекс, о чем грустишь?» А он мне: «Что-то жизнь совсем не мила». А я ему: «Да ты же умер давно». А он мне: «Вот по этому-то и не мила».

Король обвел гостей взглядом. Все молчали.

– Помнишь Алекса, сынок? – обратился король к принцу.

– Помню, – сказал принц, – редкая сволочь.

– Конечно, сволочь, но юморист же был. Неужели он сей-

час в аду?

Никто королю не ответил.

– Если бы я был Богом, я бы простил Алекса только за его чувство юмора, – заявил король.

– У Бога нет чувства юмора, – вступил в разговор доктор.

– Как нет? – удивленно спросил король и повернулся к шуту. – Это правда, Вольдемар?

– У Бога прекрасное чувство юмора, – ответил карлик.

– А анекдотик можно? – попросил король.

– Запросто. Посмотрите в зеркало и смейтесь, сколько хотите, – сказал карлик и засмеялся.

– Хамить верховной власти? – нахмурился король.

– Как можно. Я имел в виду не вас лично, а вас, как человека, потому что человек и есть воплощенное чувство юмора Бога, – ответил карлик. – Молись Ему или проклинай – без разницы. Небесный хохот не умолкает. Поверьте, то, что мир театр, а люди в нем актеры – неправильное умозаключение. Правильней сказать «мир – цирк, а люди в нем клоуны». Миллионы клоунов и один зритель, умирающий со смеху. Людям глупо бояться наказания за свои проказы. Каждый из нас после смерти получит по конфетке....

Через несколько минут королевский завтрак был окончен. Катя с Иванко вернулись в покои принцессы. У Кати начались уроки танцев. Перед началом занятий принцесса нашла Аленку и дала ей поручение показать графу замок.

– Хорошо, – кивнула фрейлина, откладывая выкройку платья, – только я не умею показывать замки.

– Приличные девушки должны уметь показывать замки, – ответила Катя.

Аленка пошла к себе переодеваться, и вернулась через пять минут в нарядном голубом платье. Они вместе с графом отправились на прогулку. В залах было многолюдно. Дамы и господа не спеша прогуливались. Иванко с Аленкой тоже никуда не торопились.

– Сейчас много людей, а бал пройдет никого не будет. Идёшь куда-нибудь, идёшь, и никого нет, – сказала Аленка. – Даже не знаю, что вам показать. Тут смотреть-то особо нечего. Можно было бы в парк сходить, там интересно, но Ее Высочество не разрешила. Пошлите, картины посмотрим?

– Пошлите, – согласился Иванко.

Вскоре они пришли в Картинную галерею, состоявшую из нескольких вытянутых комнат, по стенам которых висели картины. Людей было много. Иванко и Аленка стали ходить от картины к картине время от времени перебрасываясь впечатлениями. Одна из картин заинтересовала графа. Она была странной. На ней был нарисован не то сад, не то просто большой зал. Он был весь в цветах, одни цветы. В центре картины стоял стол. На белой скатерти стоял гроб, обитый в белое, в котором тоже вся в белом лежала маленькая девочка. Глаза у девочки были закрыты. Руки сложены на груди. Девочка была засыпана цветами. Что-то было в этой картине

очень странное. Граф никак не мог понять что именно.

– Узнали? – спросила Аленка.

– Что? – не понял граф.

– Это я.

Иванко посмотрел на фрейлину. Фрейлина показала на картину.

– Я нарисована, – уточнила она.

– Да вы что, – удивился граф и внимательней посмотрел на нарисованную девочку, потом перевел взгляд на фрейлину. Аленка, кривляясь, закрыла глаза и сложила руки на груди.

– И, правда, вы. Чудеса какие-то, – сказал Иванко.

– Какие чудеса? – засмеялась Аленка. – Это дядя Георг рисовал. Я ему уже раз сто позировала. Ему больше рисовать некого, приходится терпеть. Там же не просто так. Надо не шевелиться долго.

– А что он вас в гроб уложил? Глупая шутка.

– А я не лежала в гробу. Я на лавке лежала.

– Все равно глупо. Вам не было страшно?

– Конечно, нет. Это же, как бы не я. На самом деле это какой-то персонаж, какой-нибудь карапуз из античного мифа. Я точно не знаю какого.

Граф посмотрел на подпись под картиной. Было написано «Георг Лейбниц. Райский сад».

– Ерунда какая-то, – повторил Иванко.

– Жаль, что вам не понравилось, – вздохнула Аленка.

– Жаль, – согласился граф и улыбнулся. Фрейлина улыбнулась в ответ. Она ничуть не расстроилась.

Принц Артур сидел в своем рабочем кабинете и просматривал утреннюю печать. Вошел слуга.

– Извините, – сказал слуга, – господин обер-прокурор уже полчаса ждет.

– Ах да, – вспомнил принц о назначенной на полвторого встрече и посмотрел на часы. На часах было без пяти три.

– Просите, – сказал принц и отложил газету. Слуга вышел и почти сразу вошел обер-прокурор.

– Здравствуйте, Афанасий Никитич, – сказал пристав в кресле принц. – Простите, что заставил вас ждать. Садитесь, пожалуйста.

Обер-прокурор сел на указанный ему стул.

– Какое у вас дело? – сказал принц, попытавшись улыбнуться.

– Ваше Высочество, – сказал обер-прокурор предельно серьезно, – я пришел вас просить об одном законе, который на днях будет представлен в Совет Министров на утверждение.

– «За» или «против?» – уточнил принц.

– Против. Очень, – еще больше нахмурился обер-прокурор.

– И что же это за закон? Хотя дайте угадаю. Закон об обязательном образовании?

– Конечно. Абсолютно бредовый закон. Такое чувство,

что вы не ведаете, что творите.

– Ну-ну, давайте поспокойней, – сказал принц и достал из ящичка ножнички для ногтей. – Не надо эмоций. Поконкретней можно? Хотя дайте угадаю еще раз, вы против перевода Закона Божьего на факультатив?

– Да. Вы все сами знаете. Но это не самое ужасное, самое ужасное это ваши новые учебники. Что еще за равенство всех религий? Что еще за единый Бог для всех?

– Нет, вы неправильно поняли, – принц положил ножнички на стол. – Никто не говорит про равенство. Просто у каждого человека должна быть свобода выбора. Пускай каждый человек сам решает для себя, во что ему верить. По-моему это называется свободой совести.

– Мне все равно как это называется, – стал горячиться обер-прокурор. – Церковь категорически против такой позиции.

– Бойтесь конкуренции? – усмехнулся принц.

– Нет. Хотя, если хотите, да. Поверьте, свобода совести – это не добродетель. С помощью этого закона и с помощью всех этих модных словесов вы хотите в открытую, на государственном уровне, сеять ложь в незащищенных детских умах. А знаете ли вы, что нет больше греха, чем соблазнить ребенка? Так почему же строго наказывая за развращение детей, государство собирается само заниматься этим.

– Стоп. Вы не правы.

– Нет, Ваше Высочество, я абсолютно прав. Кто дал нам

право сеять плевелы на Божьем поле? Кто дал нам право ставить сети и петли детским сердцам на пути к истине? Разве их мало и без нашей помощи? Кто дал право нам, призванным охранять истинное учение Христово, самим искушать? Или мы не боимся суда Божьего?

– Еще раз стоп, Афанасий Никитич, – принц стал раздражаться, – вы передергиваете. Если ваше, точнее, наше вероисповедание – истинно, в чем я и сам убежден, то чего нам бояться? Те, кто от истины, как написано, найдут истину сами, но свободно, без принуждения. По-моему с помощью этого закона мы как раз избавляем поле от плевел. Разве не так?

– Не так. Давайте тогда во имя вашей, так называемой, свободы начнем учить разврату, извращениям, садизму и всё компетентно, без навязывания. Пускай дети сами выбирают, чем заняться после уроков. Бойтесь язычества. Падать всегда легче, чем подниматься. Посеяв свободу совести, вы пожнете бунт, агонию и смерть, ибо всякий Вавилон будет разрушен. Таков закон.

– Перестаньте разговаривать со мной в таком тоне, – принц зло стукнул кулаком по столу.

– Я вас понимаю. Как пойдешь против всемогущего шута, – сказал обер-прокурор, оскалив редкие зубы.

– Причем здесь господин Вольдемар? – спросил принц, барабаня пальцами по столу.

– Так это же он протезирует этот закон.

Принц сжал руки в кулаки, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и расслабил ладони.

– Принятие закона зависит целиком от решения Совета Министров, так что я ни чем не могу вам помочь, – сказал принц и, взяв ножнички, стал осматривать свои ногти. Обер-прокурор резко встал и, не прощаясь, вышел.

Аленка и Иванко вернулись в покои Ее Высочества к обеде. У принцессы кончились занятия, они все вместе пообедили, после чего должен был прийти «великий» Готье. Готье пришел и Катя с Аленкой занялись платьем для бала. Бал был на носу, а платье никак не заканчивалось.

Иванко вернулся к себе. Он был очень возбужден. Причиной возбуждения была фрейлина Аленка. Иванко влюбился в нее. Влюбился с первого взгляда, но догадался об этом он только сейчас, когда остался один. В комнате было тесно, надо было куда-то выйти. Иванко вышел в коридор. В коридоре никого не было. Чуть потоптавшись, Иванко пошел в Зимний сад.

На столике стояли шахматы. Доктор Шапито и художник Лейбниц играли уже с полчаса. Художник думал над ходом, а доктор говорил:

– Слушай, Георг, глубоких мыслей вообще, не существует в природе. То, что кажется нам глубоким, также плоско, как и то, что кажется нам плоским. Просто плоскости у всех

разные, и так получается что некоторые мысли плоски в глубину. А так, наш ум – это лист бумаги, два измерения, поэтому он так убого разбирается с объемным миром. Так что поменьше думай и ходи уже. Следующий раз принесу часы.

Художник оторвался от доски и развел руками.

– Я проиграл, – сказал он.

– Я знаю.

– А в дебюте у меня было преимущество.

– Это была иллюзия преимущества.

– Нет, я отлично начал, просто ошибся потом. Ты меня заболтал. Не надо было есть твою лошадь.

– Правильно. Есть лошадь вредно. Диета – основа всех побед. О, граф, как вы во время, – доктор увидел Иванко, пришедшего к фонтану. – Теперь я могу сбежать от этого паучка.

Доктор кивнул на художника и стал складывать шахматы в коробку.

– Как у вас здоровье-то? Ничего не болит? – поинтересовался доктор у графа.

– Ничего, – ответил граф.

– Жаль, – засмеялся доктор, – придется дружить на расстоянии. Ладно, я побежал. Некогда. Время, деньги, все дела.

Доктор пожал руку графу и художнику, после чего ушел.

– Шапито, конечно, остроумный человек, но всем этим остроумным людям невозможно ничего объяснить. Там где

кончается их остроумие, они становятся непроницаемо тупыми, – сказал дядя Георг и постучал своим костлявым кулаком по столу.

Иванко засмеялся. Он вспомнил, как Аленка споткнулась об ступеньку и чуть не упала, вспомнил ее выражение лица. Это было очень смешно.

– Обживаетесь? – спросил художник, решив, что граф смеется над его умозаключением.

– Да. Мне нравится тут, – сказал Иванко.

– Что делали? Чем занимались?

– Да так. Театр смотрели, с Аленкой гуляли. Кстати, у меня один вопрос к вам. Мы сейчас видели вашу картину, где маленькая Аленка лежит в гробу. Она сказала, что вы какой-то древний миф так иллюстрировали. Что за миф такой?

– Я помню эту картину. Понравилась?

– Нет. Совсем не понравилась. Ерунда какая-то.

– Да? – художник на секунду растерялся. – Это не миф. Это иллюстрация к моему стихотворению.

– Стихотворению? – переспросил Иванко. – А где его можно прочитать? Мне надо знать.

– Я могу его прочитать прямо сейчас. Я его помню наизусть. Оно мне приснилось однажды. Я проснулся и просто записал слова. Прочитать?

– Конечно, – сказал Иванко.

Художник на секунду закрыл глаза, почесал затылок и стал нараспев декламировать:

Маленький гроб. Хрупкие розы.
Девочка в белом. Лет двенадцать.
Тихое утро вечного лета.
Сказочный сад. Цветы да деревья.
Ни ветерка. О чем здесь ветер?
Что-то чужое мне нашептало:
«Жизнь не должна касаться смерти.
Жизнь не должна нарушать покой.
Твое дыхание неуместно.
Твое дыхание нарушает»...
Но что мне делать с моим дыханием?
Я не умею, что б не дышать.
Пока не умею. Всему свое время
Всему своя радость. А пока:
Стол. Гроб.
Девочка в белом. Лет двенадцать.
Белые розы. Очень красиво.
Очень тихо. Недоступно...
Мне объяснили, что это рай.
Я не поверил, но кто его знает?

– Как вам? – спросил художник, после паузы. – Тоже ерунда?

– Нет, не такая ерунда, только я не понял. Что это значит?

– Я не знаю, Ваше Сиятельство. Мир – не школьная тетрадь. Нельзя выучить от сих до сих и всё понять. Я увидел образ. В нем была мысль. Я написал стихотворение, написал

картину, если бы умел, написал бы симфонию, балет, пирамиду бы построил, только что бы выразить этот образ. Но от этого он не стал бы доступней.

– Понятно, – сказал Иванко, после длинной паузы.

– Прекрасно, – засмеялся художник. – Может, тогда приступим?

– К чему?

Вместо ответа художник достал свою папку и вытащил из нее пачку скрепленных, плотно исписанных, листов.

– Это первый семестр, – засмеялся художник. – Ваша сестра просила меня дать вам уроки. Учить вас рисовать смысла не вижу. Поэтому будем учиться думать. Тут несколько совершенно неочевидных утверждений на самые абстрактные темы. Я утверждаю, вы опровергаете. Договорились?

– Давайте, – согласился граф, толком не поняв о чем речь.

– Для начала простенькое. «О жизни и смерти». Читаю?

– Читайте.

Художник взял листок и стал читать:

О Жизни и Смерти.

«Смерть – отрицание жизни. Она делает нашу жизнь бессмысленной, все наши помыслы суетой. Победа над смертью – вот цель человека. Победа над смертью вернет жизни смысл». Так говорят жизнелюбцы. С другой стороны другие люди поют о смерти-утешительнице, о том, что смерть – это лучшая награда человеку за мучения жизни, о том, что все мы отдохнем и о том, что и родиться не стоило.

Так говорят любители смерти. Рассмотрев оба эти мнения заметим, что они, собственно говоря, мало чем отличаются друг от друга, потому что оба не верны. А дальше мое утверждение с красной строки.

Итак, я утверждаю, что смерть – есть фундамент жизни. Любая воля к жизни, любое желание жить может существовать только тогда, когда есть смерть. Если человека лишит смерти – он не захочет жить. Собственно говоря, можно сказать, что смерть и есть воля к жизни. Без смерти жизнь лишится смысла, станет абсурдом, у человека не останется воли, чтобы пошевелить пальцем. И это в самом прямом смысле. Наше «завтра» разряжает волю к нашему «сегодня». Известно, что нигде так не хочется жить, как в камере смертников, где любовь к жизни доходит до судорог. Бесконечное «завтра» бесконечно бы размазало волю к «сегодня». Человек бы просто лег на землю и никогда бы не захотел подняться. Так что борьба жизнелюбцев со смертью – это борьба против своего же жизнелюбия....

Художник закончил чтение, отложил листочек в сторону и посмотрел на графа. Граф пожал плечами. Он не знал, что сказать. Но, как оказалось, ничего говорить и не требовалось. Художник взял другой листок и прочитал еще один небольшой текст. Потом еще. Иванко слушал с интересом, но не понимал горячность, с которой художник строил свои утверждения.

– Вам надоело? – спросил художник, отложив очередной листок.

– Нет, – сказал граф. Ему и, правда, было интересно. Но если бы художник взялся читать ему какие-нибудь «в гостях у пиратов» или «сокровища одноглазого тролля», он тоже с удовольствием бы послушал.

– Хватит на сегодня, – сказал художник и стал складывать свои листочки.

Тем временем стало быстро темнеть. Сад погрузился в сумерки. Вокруг всё притихло, только фонтан все также неугомонно шелестел водой.

– Как быстро темнеет зимой, – сказал художник, закинув руки за голову, – когда темнеет мне всё время думается... какая-то мысль приходит... даже не мысль, а так, что-то странное. Знаешь, вот часы, большие часы с маятником и идут тихо так. Тик-так, тик-так. Стрелки крутятся. А мне страшно. Я боюсь часов. Видишь ли, его называют временем. Все смотрят на часы и ничего не знают о нем... Мне всегда мерещится одна и та же картина. Вот представьте себе поле, огромное снежное поле, так что ни конца, ни края и по нему идет человек, человек почему-то в черном. И вот он идет, совсем не зная куда, а может быть и зная. И это все так издалека, так что только черная точка, бескрайнее поле и снег. Такая картина.

Художник замолчал. Иванко тоже молчал. Тут совсем рядом послышались шаги. Граф оглянулся и увидел, как из

темноты выплыла стройная фигура слуги.

– Господин Лейбниц, я за вами, – раздался спокойный голос.

– Хорошо. Я готов, – ответил художник, положив листочки себе на колени.

– До свидания, граф, приходите, завтра или когда захотите. Я вам всегда буду рад.

– Конечно, приду, – ответил Иванко.

Слуга взялся за спинку кресла и аккуратно покатил художника сначала вокруг фонтана, а потом по одной из аллей.

Вернувшись из сада, Иванко сразу пошел к Кате. Ему хотелось еще раз увидеть Аленку. У Кати хозяйничал великий Готье. Аленка, как ассистент хирурга на операции, подавала ему то рулетку, то ножницы, то иголку. Катя стояла в нижнем белье, как манекен и ее постоянно измеряли. Иванко вызвался помочь, но Готье оказался противным старикашкой. Он замахал на Иванко руками и попросил не мешать. Обменявшись с Аленкой улыбками, граф пошел к себе. Было уже поздно, но спать не хотелось. Он лег на кровать и смотрел на потолок, пока не задремал. Его разбудил стук в дверь. В комнату вошла Катя.

– Еще не спишь? – спросила она.

– Нет. Закончили с платьем? – спросил Иванко.

– Почти. Завтра доделаем.

Катя села на кровать. Иванко сел рядом.

– Как там у нас? – спросила принцесса.

– В деревне? – уточнил граф

– Ага.

– Всё также. Ничего не изменилось. Тебе от всех привет.

– Спасибо. Не обиделись на меня, что я на похороны отца не приехала?

– Нет, – отрицательно покачал головой граф. – Никто и не думал, что ты приедешь.

– Могли бы и лучше обо мне думать, – усмехнулась принцесса.

Граф промолчал.

– Отчего он умер? – спросила Катя. – Я что-то так и не поняла.

– Его свинья загрызла, – ответил граф.

– Свинья? – удивилась принцесса. – Как это?

– Перепил, уснул в луже, мимо проходила свинья, и горло ему перегрызла.

– Мерзость какая, – принцесса поморщилась. – Свинья-людоедка. Не знала, что так бывает.

– Она не людоедка. Просто папаша занял ее лужу. Не переживай, мы свинье отомстили, съели на поминках.

– Шутишь так?

– Да, шучу, – без улыбки сказал Иванко. – А я тебя ждал тогда. Мне так тебя не хватало.

– Извини, но я даже не рассматривала варианты. Я решила никогда туда больше не возвращаться и никогда туда больше

не вернусь...

Принцесса еще с полчаса посидела у брата, расспросила про общих друзей и подруг, после чего они предались воспоминаниям.

– Ладно, спокойной ночи, – сказала принцесса, вставая. – Завтра я с утра зайду. Пойдем в Большой парк. Понял?

– Как скажешь.

– И ещё, смотри, к тебе сейчас может карлик зайти, шут Вольдемар. Ты не пугайся.

– Что ему надо? – не понял граф.

– Просто он любит делать внезапные визиты, а ты ему, похоже, очень интересен. В общем, ты его не бойся. Он безобиден, в смысле, для тебя безобиден, но любит разные выходы. В случае чего гони его в шею. Ну, пока.

Принцесса, поцеловав графа, вышла.

Оставшись один, Иванко не спеша расправил постель. Под подушкой лежал портрет фрейлины, нарисованный дядей Георгом. Граф взял его в руки и надолго задумался. Очнувшись от задумчивости, он положил портрет назад под подушку и стал раздеваться. Вдруг медленно отворилась входная дверь. Граф, похоже, забыл ее закрыть. Иванко подошел, что бы запереться, но тут в дверном проеме закачался шутовской колпак с бубенцами. Он был подвешен на веревочку и упал откуда-то сверху. Иванко выглянул в коридор. В коридоре никого не было.

– А я уже тут, – раздался высокий голос из комнаты. Иванко обернулся. В кресле сидел господин Вольдемар. На нем был утренний костюм, но без галстука. Карлик хитро улыбался.

– Ловко вы, – сказал, улыбнувшись в ответ, граф.

– Очень ловко. Я известный пронира.

Граф снял шутовской колпак с веревки и подал его карлику.

– Ваше? – спросил граф.

– Моё, но могу одолжить.

– Спасибо, пока не надо.

– Прошу прощения, что так поздно и неожиданно, но вы не закрыли дверь. А что мы совсем незнакомы, то я за этим и пришел.

– За чем? – не понял граф.

– За знакомством. Вольдемар, – карлик протянул руку.

– Иванко, – представился граф, пожимая руку. Рукопожатие получилось крепким с обеих сторон.

– Лучший способ познакомиться, поиграть в туда-сюда, – сказал карлик. В руках у него откуда-то появился теннисный мячик.

– У меня нет ракеток, – ответил граф.

– А мы без ракеток, – карлик поднял руку с мячиком вверх. – Я работаю шутом при короле – не путать с клоуном или дрессированным пуделем. Быть забавным не входит в мои обязанности. Ваш ход.

Карлик бросил мячик графу. Граф поймал его.

– А, понял, – сказал Иванко. – Я нигде не работаю... Ваш ход.

Граф кинул мячик карлику.

– Мой ход был интересней. 1-0 в мою пользу, – карлик снова бросил мячик графу.

– А мой – точнее. 1-1, – ответил граф и бросил мячик карлику.

– Больше всего люблю подсматривать и подслушивать, обожаю людские секретки.

– Больше всего люблю... – Иванко замялся, – Это секрет или даже секретик, но вы его не узнаете.

– Узнаю и всем расскажу. Больше всего ненавижу... учителей.

– Я не учитель.

– Нечестно, – покачал пальцем карлик.

– Больше всего ненавижу... жуков таких кусачих, – сказал, наконец, граф и вернул мячик карлику.

– Я разговариваю на пяти языках.

– Я разговариваю с человеком, разговаривающим на пяти языках.

– М-м. Я могу спрятаться в дамской сумочке.

– Вас найдут.

– Не найдут. Меня никогда не найдут, потому что я всегда ни там где я есть. Что можете вы?

– Я могу стрелять из лука. То есть, могу попасть мухе в

зуб с десяти метров.

Мячик снова оказался у карлика. Он засмеялся, поднял руку, задумался и, что есть силы, бросил мячик об стенку. Мячик запрыгал по комнате.

– Я выиграл, – сказал карлик.

– Почему это?

– Потому что я люблю выигрывать, а вам всё равно.

– Хорошо, вы выиграли.

Карлик еще раз засмеялся. Похоже, он был в хорошем настроении.

– Слушайте, граф, – сказал шут, – а вы шустрый. За это я буду вас эксплуатировать. Помогите, – в руках карлика неоткуда появилась картонная карточка.

– Как вы это делаете? – удивился граф.

– Это обычный фокус и это не интересно. Лучше помогите мне с тестовыми вопросами для Тюбингского университета. Я обещал тамошнему декану написать 21 остроумный вопрос для тестирования студентов. Аванс я уже прогулял, а никак не закончу. Смысл вопросов в том, что рассказывается небольшая занимательная история, а студент её заканчивает. Это тест на сообразительность. Историй-то я насочинял, а с концами проблемы. Не всегда могу понять, насколько мои ответы правильны, на самом деле эти истории так закачиваются или это прихоть автора? Давайте всего один тест на ночь глядя? Готовы?

– Давайте, – кивнул Иванко.

Карлик стал читать с картонки:

Когда-то в Сирии жил Учитель, бродячий проповедник, вокруг которого толпились ученики. Учитель был умён, ничего не боялся и даже творил чудеса. Проповедовал он странные вещи, почти сумасшедшие, но в нем было столько обаяния, что ученики, открыв рот, готовы были идти за ним хоть в ад. Среди учеников был симпатичный юноша, тоже очарованный Учителем. Этот ученик был не глуп и даже немного умен, но у него была одна беда. Он сам хотел быть учителем, хотел иметь свое учение, своих учеников. В присутствии же своего Равви, он терялся, и все время задавал самые глупые вопросы, давал самые идиотские комментарии. Несколько раз он пытался оставить Учителя, но не мог. Он пару раз уходил «насовсем», но на следующий день возвращался вприпрыжку. И вот однажды, Учитель, отправляясь в дальнее селение, взял с собой только этого ученика. В дороге они много разговаривали. Наступила ночь. Они заночевали на обочине дороги. Учитель уснул, а ученик достал свой нож и перерезал Учителю горло. Всю ночь ученик рыл могилу. К утру Учитель был закопан. Стало светать. Было морозно и сыро. Ученик, дрожа от холода, взойшел на могильный холм и, повернувшись к восходящему солнцу, сказал:

– Посмотри, Равви, на восходящее солнце. Это встает мой рассвет. Я сейчас уйду, а ты останешься здесь. Послушай же, что говорит тебе твой лучший ученик, который

посмел победить тебя. Ты знаешь, Равви, я боялся тебя. Я так тебя боялся. Ты не давал мне дышать. Ты вязал меня по рукам и ногам. Но я убил тебя. Я наконец-то освободился и пойду своим и только своим путем. Ты не понял, что я не твоя обезьяна и я не твоя овца. Я – Учитель, еще более великий, чем ты. У меня будут тысячи учеников, миллионы. Весь мир пойдет за мной. Я скажу то, что никто до меня не говорил. Я останусь в веках. Радуйся, Равви, и прощай.

Ученик замолчал. Солнце взошло. Длинная тень стелилась по сырому полю. Ученик сошел с могилы и рассмеялся. Но его смех прервался. Он последний раз оглянулся назад. Невысокий холм был истоптан его ногами. Он гордо поднял голову, вышел на дорогу и пошел навстречу, грозно встающему в замерзшем небе, утреннему солнцу.

– Вообще-то всё, – сказал карлик и перевернул картонку. – А теперь закончите последнее предложение этой дивной истории. *Тем же вечером, в номере ближайшего трактира, ученик...* С вас всего одно слово. Глагол. Ответ на вопрос: «что сделал?». Итак, ученик...

– Повесился? – сказал граф.

– М-м, работает загадка. Но как-то слишком легко вы ответили. Наверное, надо вычеркнуть «номер трактира». Что еще можно делать в номере трактира, как не вешаться? – шут достал карандаш из кармана и почиркал на своей картонке. – Что ж. Себя поздравляю, ученик пусть висит, а с вами, что делать? Хотите поступить в Тюбингем? У меня там декан

знакомый. Будете философом. Это же такое счастье ходить в протёртых штанах.

– Не хочу, спасибо, – ответил граф.

– Как хотите. А что у вас там спрятано под подушкой? – спросил карлик и выскочил из кресла. Он быстро подбежал к кровати и достал портрет фрейлины.

– Какая-то тут Аленка толстая, – засмеялся он. – Еще за-чем-то крылышки ей присобачили.

– Вы знаете Аленку? – спросил Иванко.

– Лучше всех. С самого рождения. Это я нашел ее в корзинке.

– Да вы что? – удивился Иванко. – Правда? Расскажите.

Карлик ловко запрыгнул на столик, так что Иванко поди-вился.

– Давно это было, – стал рассказывать шут. – Я еще был молод, то есть моложе. Шел я по саду, торопился. Сад тогда был садом, цветочки, грядки, все аккуратно и по порядку. И вдруг боковым зрением заметил какое-то движение. Остановился, повернулся – вижу за кустами корзинку на самом видном месте, а из корзинки ручка торчит, покачивается. Я пролез через кусты, весь ободрался, заглянул в корзинку, смотрю, карапуз лежит, завернутый в кусок ткани, только ручки торчат. Ни кричит, не орет, просто лежит и смотрит. И взгляд такой был редкий. Удивление. Типа, ничего себе. Чему она удивлялась, не знаю. Может она просто меня передразнивала. Потому что я-то точно выкатил глазки. Потом я

поднял крик. Все сбежались, всё завертелось и так далее.

– А кто ее родители?

– Не знаю. Я проверил все варианты, которых было не так много. Ни одной зацепки. Самый правдоподобный вариант, что она на корзинке спустилась к нам с неба, но купол сада даже не треснул. Тоже загадка. А почему вы спрятали портрет? Может это и есть ваш секретик?

Иванко подошел к карлику, забрал у него лист и аккуратно положил его назад под подушку.

– Просто тут его место, – чуть растеряно сказал он.

Карлик засмеялся и ловко спрыгнул со стола.

– Тогда ложитесь спать. Может вам приснится что-нибудь с крылышками.

Шут одел наголову колпак и зазвенел бубенцами.

– Дзынь-ля-ля. Дзынь-ля-ля.

А король не весел.

Дзынь-ля-ля. Дзынь-ля-ля.

Не того повесил, –

пропел карлик и подскакал на одной ноге к двери.

– Закрывайтесь изнутри, а то можно проснуться не там, где планировали, – сказал господин Вольдемар на прощание.

День 3

– Подъем!!!

Иванко подскочил на кровати.

– Ты спи, спи, – зашептала принцесса, укладывая брата

назад.

Иванко снова лег, закрыл глаза и повернулся на бок.

– Подъем!!!

Иванко снова подскочил и окончательно проснулся. Было утро и солнце и хохочущая сестра, сидящая на его кровати.

– Ненормальная, – буркнул граф.

– Не спиться?

– Ненормальная, – повторил граф.

– Плохое слово. Мечь, – сказала Катя и окатила Иванко холодной водой, которую заранее приготовила в кружке.

Граф подскочил и выкатил глаза.

– Я же говорила подъем, а ты не верил, – хохотала сестра.

– Я теперь мокрый из-за тебя!

– Это гораздо лучше чем, если бы ты был мокрый из-за себя. Вставай, одевайся и бежим, – Катя бросила брату одежду.

– Куда?

– Тебе какая разница. Главное, что бежим очень быстро.

Иванко оделся и подошел к зеркалу. Принцесса оттолкнула его и стала смотреться в зеркало сама. Иванко подошел сзади и поставил сестре, сделанные из рук, рога. Катя хотела схватить их, но не получилось. Еще несколько минут они, хохоча, бегали и толкались друг с другом. Все закончилась тем, что Катя заломала брата.

– Сдаюсь! – смеясь, крикнул Иванко, уже не пытаясь скинуть с себя сестренку.

– То-то же, – удовлетворенно сказала Катя, отпуская его

руки. – Как в старые добрые времена тебе нечего противопоставить моей силищи.

Они встали. Иванко поправил ворот рубашки, Катя – платье. Еще раз, посмотрев в зеркало, они вышли.

Над большими воротами позолоченными буквами с вензелями было написано: «Королевский парк». Катя, держа брата за руку, провела его через ворота. Парк был огромным. Аккуратные зеленые газоны, подстриженные кустарники, цветы повсюду, фруктовые деревья, скамейки, тропинки и даже речка с хрустальным мостиком, впадавшая в самое настоящее озеро, по которому с важным видом плавала стая лебедей. Над всем этим был большой стеклянный купол, почти такой же формы, как в Зимнем саду, но гораздо больших размеров.

– Йо-хо, – сказал Иванко, крутя головой. Он был впечатлен.

– Правильно. Только рот чуть прикрой, – сказала принцесса, довольная произведенным эффектом.

В парке было достаточно многолюдно. Но это были не гости, а служащие парка. Они ходили с огромными циркулями и размечали места под сооружения, которые должны были появиться здесь к завтрашнему празднику. Все были заняты делом и не обращали на принцессу с графом никакого внимания. Принцесса привела графа к озеру. На скамейке перед озером сидел принц Артур и, держа в руках буханку

хлеба, кормил совсем близко подплывших к нему лебедей. Увидев, жену с братом он отложил хлеб и встал навстречу. Пока принц и граф здоровались, принцесса подбежала к берегу и замахала руками на птиц.

– Кыш, кыш, гусиное отродье, – закричала Катя. Лебеди недоуменно поглядев на нее, повернулись и обиженно поплыли прочь. – Обиделись что ли. Не обижайтесь, а то не вкусные будете.

Принцесса повернулась к мужчинам. Они смеялись над ней.

– Смеетесь от восторга или от восхищения? – спросила Катя и, не дожидаясь ответа, обняла мужа. – Артурчик, я сбегая за лошадьми?

– Через 20 минут придет господин Маскарон, – сказал принц.

– 20 минут – это почти год. Я успею, даже торопиться не буду.

– Пошлите вместе, – предложил Артур.

– Нет. Я хочу одна, – закапризничала Катя.

– Зачем? – не понял принц.

– О-о, – вздохнула принцесса. – Понимаешь, я просто хочу показать этому гламурному красавчику, – принцесса кивнула на брата, – как я научилась ездить верхом. Когда мы были маленькими, он смеялся надо мной, потому что я все время от этих лошадей шарахалась.

– Не ты от них, а они от тебя, – вставил Иванко.

– Понятно, – улыбнулся принц, – иди, седлай, только смотри осторожней.

Принцесса тотчас убежала.

– Как вам наш парк? – спросил принц, когда они остались вдвоем.

– Мне нравится, – сказал Иванко.

– Вот откуда берется дефицит госбюджета, – засмеялся принц.

– Что-то не так с бюджетом? – переспросил Иванко. Он не понял шутки, а смеяться просто из вежливости, было глупо. Принц засмеялся еще сильнее и замахал руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.